

ряду было присвоено звание правофлангового!

Учитывая мою «непонятливость», свою удачу ребята объясняли так:

— Это за то, что много газет на выпускали.

— Мы макулатуры много собрали.

— За оформление отрядного уголка...

Хорошие дела. Забудем даже, что газеты выпускает не весь отряд, а редактор Серёжа Савельев. И макулатуру собирают только в собственных квартирах. Принесли, свалили — свободны!

Нет, я совсем не хочу доказать, что звание это — они

получили незаслуженно. Пытаюсь разобраться...

— Давайте вместе подумаем: что же такое пионерский отряд, даже не правофланговый — самый рядовой?

Надеюсь, что разговор об этом поможет понять: к чему же стремятся ребята в своей работе? Какие цели перед собой ставят? Вот их ответы:

— Отряд — это группа пионеров, которые выполняют Законы пионеров Советского Союза.

— Это коллектив, кото-

рый готовится вступить в комсомол.

— Это ребята, которые живут дружно и друг другу помогают.

Вот и поговорим о дружбе. Дружить и помогать — что может быть лучше!

Разговор о дружбе превратился в ссору...

— Мы не очень дружные. Мальчишки и девчонки всё время врозь.

— А с ними неинтересно.

— С вами тоже!

— Да какая там дружба! Фломастера ни у кого не допросишься.

ПОЧЕМУ ЕСТЬ ПОБЕДЫ И ПЕРВЫЕ МЕСТА, НО НЕТ ДРУЖБЫ?

ПОЧЕМУ СОВЕТ ДРУЖИНЫ ТАК ЛЕГКО ПРИСВАИВАЕТ ЗВАНИЕ «ПРАВОФЛАНГОВЫЙ», НЕ РАЗОБРАВШИСЬ, КАК ЖЕ ЖИВЁТ ОТРЯД И КАК ЖИВЁТСЯ КАЖДОМУ В ЭТОМ ОТРЯДЕ?

ПОЧЕМУ БОРЕ САВЕЛЬЕВУ НИЧЕГО НЕ НАДО?

И ещё один... Ребята из 7-го «В» ответ на него пока ищут.

ПОЧЕМУ ОНИ НАЗЫВАЮТСЯ ПИОНЕРСКИМ ОТРЯДОМ? ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

Как думаешь ТЫ? Давайте все вместе ответим ребятам из 7-го «В» на страницах «Пионерской правды».

Москва, 658-я школа.

А. ДОНСКОЙ.

ИМЯ ГЕРОЯ мне пришлось изменить. Потому что всё, о чём он рассказывал мне, рассказывали его друзья по картинг-секции, старшие товарищи, — для него теперь в прошлом.

Всё остальное — имена, фамилии, факты — документальны.

Назову его Андреем.

— Знаете, когда пришёл участковый милиционер и сказал: «Собирайся...» — я подумал: всё — колония.

Страшно было. И ещё всю дорогу я думал о матери...

...Это было три года назад. Визит участкового к Андрею был не случаен: драки, хулиганство, жалобы соседей по дому. Да и в школе его неоднократно предупреждали: ещё одна такая выходка — исключим!

Но судьба в этот день распорядилась иначе: участковый привёл его в картинг-секцию. А на прощание сказал: «Вот что, Андрей, пора становиться человеком...»

— Колонии я избегал. Это было главное. Вот только слова участкового показались мне обидными. Я-то считал себя настоящим парнем.

Неподалёку от квартала, где жил Андрей, проходила дорога. За ней начинался небольшой кустарник, который вплотную подходил к Волге. По вечерам здесь собирались старшие ребята из ближайших домов. Играли в карты. Пили вино. Бренчали на гитаре. Андрей и несколько его одноклассников ходили в «малька». Словом, были мальчишками на побегушках. Когда кончалось вино или требовалась

другая услуга, звали одного из «мальков»:

— Одна нога здесь, другая там!

И они бегали за вином. Знали: за неповиновение здесь бьют. Особенно жестоко бил Мишка Богоявленский. Главарь с крепкими кулаками.

— Мишку все боялись. Он мог ударить и просто так. Чтобы больше боялись. Но я знал, что многие ребята его ненавидели.

— А ты!

— Боялся, это точно. А вот разобраться во всём было трудно.

В школе отношения у Андрея тоже не складывались. Кто-то зло и дерзко сострил за спиной учителя. Новый классный руководитель, Лидия Ивановна, выгнала из класса Андрея. На следующий урок он демонстративно не явился. Не пришёл в школу и на следующий день. Через неделю домой пришло письмо: явиться на педсовет с матерью.

Из школы его не исключили. И хотя ребята достойно наказали виновного, Андрей затаил на всех злобу. А учителя по-прежнему считали виновным его.

— В моём доме жили многие ребята из класса, но никто так ни разу и не заговорил со мной. Даже Валерка и Володька Карелины, которых я всегда уважал. Они здорово играли в футбол. Тогда я стал ходить «за дорогу».

В картинг-секции Андрей сразу же посчитал себя «белой вороной». Может быть, потому, что все были при де-

ле, а он только приступал к нему. Ребята готовили машины к соревнованиям, перебирали двигатели, тренировались. Общая работа была. А близости, человеческой близости с ними ещё не было.

Потом секция осталась без руководителя. Но в жизни картингистов всё осталось прежним. На одном из занятий состоялось собрание. И ребята выбрали СВОЕГО руководителя — Ивана Третьякова. За то, что был опычнее других, за то, что лучше разбирался в технике, за то, что лучше всех работал на станках. Избрали единогласно.

— Наверное, это был переломный момент для меня. Ведь были в секции ребята посильнее. И кулаки у них были твёрже. А выбрали Третьякова...

В секции был строго заведённый порядок: уборка по графику, никаких пропусков без уважительной причины, над новичком шефствует старший товарищ. Машины к соревнованиям готовили сооб-

ща. И Андрей не мог не почувствовать: здесь царил непреложный закон — «Один за всех, все за одного».

— Такой закон был и «за дорогой». Только действовал он в интересах Мишки и его дружок. Я не помню, чтобы кто-то из них смог постоять сам за себя, бескорыстно предложить помощь.

Через год ребята помогли собрать Андрею карт. Это была его машина, он научился её водить, готовился к своим первым в жизни соревнованиям.

Из секции Андрей стал уходить последним...

— Мать всегда волновалась, когда я приходил поздно. Мы ссорились, она нередко плакала. Это было ещё в те времена, когда я ходил «за дорогу». А когда домой пришёл участковый, мать не хотела ничему верить...

Помирились мы не скоро. Помню, пришлось первый раз надолго задержаться в секции — хотелось побыстрее

подготовить машину. У подъезда меня никто не встречал. Мама уже спала. Я понял: она стала мне доверять.

Раньше Андрей считал во всём себя правым. То, что мать тяжело переживала за него, его почти не трогало. Он не желал видеть и понимать реакцию окружающих на свои поступки.

Своё отношение ко всему он менял не сразу.

В секцию привезли пять новых моторов. Все новички ездили на старых, которые почти рассыпались, и их часто приходилось ремонтировать. Никто бы не обиделся, если бы все моторы отдали «старичкам». Решили так: дешевле будет заменить самые старые моторы на новые.

— Понимаете, дело не в моторах. В этом поступке «старичков» не было никакой бравады: вот, мол, смотрите, какие мы хорошие. Ребята отдали нам моторы с чистым сердцем. Мы это хорошо знали.

...Сейчас Андрей учится в профессионально-техническом училище. Сейчас у него есть друзья. В нужную минуту они придут на помощь. А главное — он стремится понять людей, ценить их доброе отношение.

Я поставил точку. Но понял, что о многом не написал. Не дописал то, чего ещё не знаю. Каким будет Андрей. Как сложится его жизнь. На каком предприятии он будет работать.

Твёрдо знаю одно: шаг за шагом он не сделает.

А. ВЫСКРЕБЕНЦЕВ.
(Наш специальный корреспондент).

Г. ТОЛЬЯТТИ.

Светлана КАСЫМКУЛОВА

ЯНАТА

(Фантастическая повесть)

— Кому говорят, тихо! — стучала ладошкой по столу Мухина.

— Опять! Неужели нельзя было на перемене сказать! — простонал я.

— Новостей на пять минут! Ведь ты же всех задерживаешь, — прошипела Ирка.

— Да хотя бы и на две минуты! Пока! Чао! — И я двинулся к двери.

Однако Юрка предательски не откликнулся на мой призыв, да к тому же выход из класса загородили девочки — не будешь же с ними драться! Я демонстративно прислонился к стене возле двери, насвистывая: «А нам всё равно...»

— Я не начну до тех пор, пока Краснов не сядет на место, — занудным голосом протянула Мухина.

Под возмущённый гул класса я направился к своей парте, швырнул портфель и презрительно глянул на Юрку — предатель.

— Во-первых, — начала Ирка, — мы завтра выйдем на субботник по сбору металлолома. Нужно приобрести книги для строителей БАМа. И во-вторых, в воскресенье едем на лыжах в лес, с нами будет учительница по географии Наталья Александровна. Вот и всё. И не надо было делать из этого трагедию, Краснов. — Ирка взяла портфель и вышла.

— Ха, красавица! — сказал я ей вдогонку. — Юра, пошли!

Но он будто оглох. Я легко дернул его за воротник. Мы вышли из школы. Мягко искрился снег. В вечернем небе загорались первые звёзды.

— Мировецкий вечер, —

Продолжение. Начало смотри «Пионерскую правду» №№ 94, 95.

сказал я, чувствуя, как проходит плохое настроение. — Ты поедешь в лес?

— Поеду. Дело стоящее. Ты зря на Мухину...

— Мухина, Мухина... Знаешь, мне пришла в голову мысль: если заменить в ракетном топливе...

Разговор о ракетном топливе так увлек нас, что мы не заметили, как дошли до дома.

После отлёта Янаты мы с особым рвением принялись за изобретение звездолёта. Усердно читали книги по ракетной технике, астрономии, астрофизике... С энтузиазмом взялись и за математику и физику. Кубоквадратич, учитель математики, с изумлением смотрел на Юрку, у которого раньше отметки выше тройки не подымались, а тут вдруг три пятёрки подряд!

Два дня, оставшиеся до воскресенья, пролетели незаметно. В это утро я проснулся сам. Удивительное дело — в праздничные дни всегда легко встаётся! Солнечный луч упал на полку с книгами, и там заискрился голубой кристалл — подарок Янаты.

Одеться и быть под окном друга — на это хватило десяти минут. Я свистел во всю мочь до тех пор, пока за стеклом не показалась лохматая со сна Юркина голова.

— Ну, чего рассвистелся, не концертный зал... Сейчас я...

Очень долгими мне показались минуты ожидания, пока не появился Юрка с лыжами и в шапке-ушанке.

— Знаешь, я во сне новую конструкцию придумал, расскажу — закачаешься! Максимум современности, можно собрать из подручных материалов, прямо обалдеешь...

— Как в тот раз из тазиков и детских ванночек, — съехидничал я, — как наш сосед дядя Вова.

— Какой дядя Вова?

— А тот, у которого всё получается дубово-дубово!

Юрка не успел парировать, мы уже подходили к школе.

По всем приметам видно — у ворот собрался наш класс. И, конечно, слышен голос Ирки Мухиной: «Ребята, мероприятие нужно

из-за Янаты, как вдруг из кустов появился Юрка с какой-то торжественно-таинственной физиономией.

— Во!.. Смотри, что я нашёл!

В руках он держал фиолетовый брусочек.

— Хм, странно... Какой-то неизвестный металл... фиолетовый.

Я внимательно осмотрел Юркину находку. Сбоку было три отверстия. Покрутил брусочек в руках, и вдруг

раздался щелчок: открылась крохотная крышка, а там — кнопка...

— Слушай, может быть, нажать, а?

— Я тебе нажму, мы же не знаем, что это такое!

— Ну не оружие же!

— Может, и оружие...

Любопытство друга и его просьбы наконец сломили меня.

— Ладно, валий, только потихонечку. И на всякий случай отойдём подальше от наших.

Я для предосторожности отвернул брусочек дырочками от себя и нажал на кнопку. Из отверстий вырвались три ослепительных голубых луча, и я невольно отдернул руки, выпустив Юркину находку. — Брусочек повис в воздухе и вдруг стремительно полетел куда-то. Он летел всё дальше и дальше, а мы бежали за ним. От быстрого бега уже не хватало в груди воздуха и закололо в боку, когда эта «волшебная» палочка нырнула в овраг и там исчезла.

— Вот это да... — протянул Юрка. — И как же дальше? Неужели отступать?

Стали спускаться в овраг, и на одном из поворотов, когда я случайно опёрся о крутую стенку оврага, почувствовал, как она поползла под рукой, не вниз, а почему-то в сторону.

— Борька, гляди-ка! — Юрка расширенными от изумления глазами смотрел за мою спину. Там открылась стальная дверь — люк.

— Боря, ну что ты на меня смотришь? Пошли! — Это мне Юрка.

— Давай! Я первый... — Не отступать же перед магией таинственным. Шагну-

ли в проём люка, потоптались в начале белого коридора, прошли ещё несколько шагов, и тут я понял, что за нашей спиной кто-то стоит... Дёргаю Юрку за руку. Оборачиваемся. Перед нами человек в ярко-красном костюме с молниями вдоль рукавов, три застёжки-молнии поперёк груди и вокруг шеи ожерельем фланцевое соединение, как для гермошлема космонавтов.

— Земляне, вас приветствует человек с планеты Дрейнау!

— Дрейнау?

— Дрейнау! Вы прилегали, да? — Я тайл от восторга. — А Яната?

Человек с планеты Дрейнау пригласил нас с Юркой следовать за собой. Третье коридор менял направление, и наконец наш новый знакомый сказал:

— Подождите здесь.

Это была какая-то странная голубая комната, стены которой, казалось, были живыми и еле видно пульсировали, а порой по ним пробегала как бы волна дыхания. В комнате стояло два кресла. Я уселся в одно из них, а Юрка начал деловито измерять шагами помещение.

— Ничего матерьяльчик, — одобительно сказал он, проведя ладонью по стене.

— А ну брось, — вскопчил я, — а то как долбаёшь!

— Кто? Эта стена? — И Юрка, не слушая меня, стукнул по стенке. Рука вошла в стенку по локоть и так завязла — ни туда и ни сюда.

— Говорил же тебе, не трогай! Что теперь делать будем?!

Я стал помогать Юрке вытаскивать руку из стены, но ничего из этого не получилось.

— Уф!.. — Я вытер пот, и в это время вошёл наш новый знакомый. Увидев Юркину беду, он как-то криво усмехнулся, потом вынул из кармана небольшой флакон, как из-под одеколона, брызнул на Юркину руку, и она сразу же свободно вышла из стены.

(Продолжение следует)

Рис. Н. БИСТИ

провести на высоком уровне!»

Доехать до леса на автобусе — самое пустячное дело, а там мы рассыпались по разным направлениям. Только начали сражаться в снежки, я вlepил Светке Нагорной два комка в спину за те «поганые грибы», которыми она меня тогда угостила